СТРАХ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

FEAR AS AN OBJECT OF SOCIAL PRODUCTION

Полянский Дмитрий Викторович

Доцент института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета имени
И. Канта, кандидат философских наук
E-mail: dvpolianski@gmail.com

Polianski Dmitri V.

Assistant Professor at the Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, PhD in Philosophy
E-mail: dvpolianski@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются социокультурные тенденции, связанные с переживанием такой эмоции, как страх. Выявляются социальные институты и факторы, способствующие распространению в обществе новых страхов. При этом особое внимание уделяется роли медиа. Страх рассматривается не только как экзистенциальный удел, но и потребность человека. Описывается индустрия и социальные практики, связанные с удовлетворением этой потребности. Статья пытается объяснить парадоксальную ситуацию современного человека: сочетание в его социальной жизни высокого уровня безопасности и высокого уровня тревожности.

Abstract. The article analyzes the socio-cultural trends associated with the experience of the emotion of fear. Social institutions and factors that contribute to the spread of new fears in society are identified. Special attention is paid to the role of the media. Fear is considered not only as an existential fate, but also as a person's need. The industry and the social practices related to meeting this need are described. The article aims to explain the paradoxical situation of modern human: a combination of a high level of safety with a high level of anxiety in their social life.

Ключевые слова: эмоция, страх, тревога, медиа, общество, культура страха.

Keywords: emotion, fear, anxiety, media, society, the culture of fear.

© Полянский Д. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Понятием «страх» принято обозначать эмоцию, возникающую в ответ на опасность [1, с. 20]. В зависимости от интенсивности, продолжительности, предметной определенности разные формы страха могут обозначаться как тревога, беспокойство, волнение, напряжение, боязнь, опасение, испуг, паника, фобия, ужас, кошмар. Не вдаваясь в семантический анализ и дискуссии вокруг этого спектра, в рамках этой статьи будем иметь в виду под «страхом» все разнообразие упомянутых психоэмоциональных состояний. Иногда будем пользоваться термином «тревога», в этом случае его стоит понимать как относительно слабое по интенсивности, смутное по своему предмету, но длительное переживание страха.

Страх не относится к числу уникальных человеческих эмоций, он свойственен всем высокоорганизованным животным. Но в мире людей любое эволюционное изобретение приобретает новые грани и измерения. Возможно, главная антропологическая особенность страхов состоит в том, что люди испытывают страхи не только реальные, но и воображаемые. Человек способен к выдумыванию, домыслам, воображению – как следствие, и представленная в его сознании опасность может быть мнимой, кажущейся, надуманной. По мнению Ю. В. Щербатых, «большую часть своих страхов люди создали сами своей фантазией» [2, с. 56].

К числу воображаемых, во-первых, относятся страхи перед несуществующими объектами – например, инопланетянами, мировым правительством, привидениями, вампирами, оборотнями, демонами. С другой стороны, страх могут вызывать объекты реальные, но на деле не опасные – кометы, солнечные затмения, ГМО, мыши, клоуны, куклы, воздушные шары, тоннели, кластерные отверстия. Но самый распространенный вариант воображаемых страхов – когда объект существует, и он действительно потенциально опасен, но степень этой опасности в индивидуальном или коллективном воображении сильно преувеличена. Таковы страхи перед авиаполетами, роботами, террористическими атаками, сектами, змеями, пауками, крысами, прививками, холестерином, «ненатуральной» пищей и т. д.

Индивидуальное воображаемое является пространством культурных пересечений и влияний. Вступая в коммуникацию, индивидуальные субъекты создают коллективное воображаемое. Страх – чрезвычайно заразительная эмоция, она легко индуцируется и распространяется в массовом сознании. Вольно или невольно почти все индивиды участвуют в создании коллективных пугающих образов. Более того, конструировать и подпитывать общественные страхи по многим причинам выгодно, поэтому страх становится объектом общественного производства.

Существует определенная социокультурная динамика страха. В разные времена страхи могут отличаться и качественно, и количественно. Так, в XX в. в большинстве стран мира удалось радикально снизить угрозу со стороны природных сил. Рост продолжительности жизни красноречиво отражает успехи медицины. С помощью вакцинации и антибиотиков удалось полностью победить отдельные инфекционные заболевания, снизить степень риска других. Роды и оперативные вмешательства теперь редко проходят с осложнениями. Проблема голода для большинства жителей планеты осталась в прошлом. Конечно, масштабные стихийные бедствия – ураганы, землетрясения, наводнения, цунами, извержения вулканов – нельзя предотвратить, но теперь, по крайней мере, их иногда удается вовремя предсказать. К тому же жилые и инфраструктурные объекты теперь строят

с учетом объективных угроз. Иными словами, современному человеку природа угрожает меньше, чем когда бы то ни было.

Есть достижения и в снижении социальных рисков. Долгое время главной угрозой для человека было насилие, прежде всего – войны. Две мировые войны были невероятно масштабными и жестокими, к тому же они породили тоталитарные режимы с характерной для них системой массовых репрессий и геноцида. Но вслед за этим, начиная с 1960-х гг., последовала волна демократизации и гуманизации, подкреплённая созданием глобальной системы безопасности через взаимное ядерное сдерживание. Относительное число военных и криминальных убийств с тех пор устойчиво снижалось. С. Пинкер в напугавшей книге «Лучшие ангелы нашей природы: упадок насилия в истории и его причины» (2011) доказывает, что уменьшение насилия – это глобальный тренд, который теперь касается не только больших войн [3]. По оценкам Пинкера, в мире снижается число локальных вооружённых конфликтов, сокращаются преступность и бытовое насилие. Кроме того, расширяются гарантии прав социальных групп, которые веками были объектами подавления (гендерные, расовые, этнические, религиозные, сексуальные меньшинства).

В то же время в современном обществе можно заметить и тревожные социальные тенденции, которые, по крайней мере, подрывают наше чувство защищённости. Человек – социальное животное, люди тысячелетиями жили общинами, для нас привычно опираться на помощь близких, мы нуждаемся в чувстве локтя, кооперации, взаимной заботе и выручке. Однако в обществе модерна возникли условия для индивидуализации и распада традиционных религиозных, корпоративных, родовых общин.

Наиболее ярко эту тенденцию отражает состояние семьи. Традиционная семья – это несколько поколений родственников, которые жили рядом, вместе решали хозяйственные, бытовые, житейские и психологические проблемы. Это были люди, близкие друг другу по образу жизни, уровню образования, виду деятельности, религиозной принадлежности.

Технический прогресс, промышленная революция и урбанизация изменили всё. Переезжающие в города люди селились в отдельных квартирах, учились жить самостоятельно, без помощи дальних родственников, постепенно осваивали практики планирования семьи. Сегодня родственники все больше отличаются друг от друга по образованию, роду деятельности, жизненным ценностям, ролям и статусам, социальное расстояние между ними возросло. Стандартная современная семья – семья нуклеарная, состоящая из родителей и одного-двух детей, при этом родители в любой момент могут расстаться. Растёт количество холостяков, разведённых, бездетных. У кого-то создать семью просто не получается, а у многих это становится осознанным жизненным выбором. Вместо эпидемий чумы и «испанки» мы сегодня наблюдаем «эпидемию одиночества», вызывающую у человека чувство собственной хрупкости и уязвимости. Важное философское открытие экзистенциалистов состояло в том, что индивидуальная свобода человека модерна – это не только дар, но и сопряжённые с тревогой «заброшенность», муки выбора, чувство вины, бремя ответственности.

Ещё одна новая проблема общества модерна – быстрый технический прогресс. Всякая неизвестность и неопределённость пугает, а инновация – всегда шаг в неизвестность. Но техника пугает не только новизной, но и растущим преобразовательным потенциалом. Кинопроекторы, автомобили, самолёты, атомные реакторы, телевизоры, вакцины, синтезирован-

ные лекарства, мобильные телефоны, роботы, ГМО, ЭКО, Интернет – многие изобретения столкнулись с волной общественного подозрения. Техника очень быстро меняет структуры социальности. Автомобили радикально изменили облик наших городов, телевидение – способ проведения досуга, компьютеры – рабочее место, а социальные сети и гаджеты – модели коммуникации. Чем быстрее технический прогресс, тем стремительнее меняется наш образ жизни, а вместе с тем нарастает неопределенность будущего, рушатся традиционные уклады, лишаются смысла прежние профессии, ритуалы, правила, ценности. Американский футуролог Элвин Тоффлер назвал постоянную тревогу по поводу быстрых социальных изменений «футурошоком» [4], а антрополог Маргарет Мид отметила появление радикально новых отношений между поколениями: если раньше дети учились у взрослых способам жизни в обществе, то теперь в силу быстрых социальных изменений взрослым часто приходится учиться у своих более приспособленных детей [5]. Все это, безусловно, разрывает преемственность традиций, ломает привычный порядок социального, лишает его устойчивости.

Несмотря на объективные причины для новых тревог, уровень страха сегодня выглядит непропорционально высоким по отношению к реальным угрозам. В современном обществе, по выражению социолога Франка Фуреди, возникла совершенно особая алармистская «культура страха» [6]. Публичные пространства заполнены кричащими и пугающими высказываниями. Причем, как подчеркивает солидарный с ним норвежский философ Ларс Свендсен, «парадоксом культуры страха является ее появление именно в то время, когда наша жизнь, судя по всему, стала безопаснее, чем была когда-либо в истории» [7, с. 13].

Один из главных институтов нагнетания тревожной атмосферы – СМИ. Массмедиа – удобный инструмент манипуляции общественным сознанием через производство коллективных страхов. Посредством публичного распространения страха, умело используя триггерные зоны общественного сознания, государство и церковь могут объединять людей против общей угрозы или сеять рознь, нагнетая ксенофобные настроения. Коммерческим организациям страх позволяет увеличивать продажи, некоммерческим – успешнее получать гранты, аппаратным группам влияния – лоббировать нужные решения и бюджетное финансирование. Посредством СМИ разнообразные социальные субъекты создают новых внутренних и внешних врагов, изобретают несуществующие опасности или преувеличивают риски объективных угроз.

Сами СМИ также экономически заинтересованы в пугающих заголовках. Ежедневные маленькие хорошие или нейтральные новости воспринимаются как обычный информационный фон, нормальный порядок вещей не вызывает большого интереса. Другое дело – негативные сообщения о жестоких преступлениях, трагических происшествиях, коррупции, ДТП, катастрофах, враждебных заговорах, паранормальных явлениях, – все это через страх привлекает общественное внимание.

Кроме того, как отмечает Свендсен, «важным фактором является тенденция считать информацию о серьезном риске более достоверной и надежной, чем информацию о риске незначительном, исходит ли она от властей, от промышленных или идеологических организаций, союзов или объединений» [7, с. 99]. Алармистские высказывания будоражат воображение и вызывают интерес, в то время как успокаивающие комментарии подозрительны – не пытаются ли нас убаюкать, скрывая подлинный масштаб угрозы?

Один из ярких и хорошо изученных примеров угрозы, сконструированной усилиями СМИ – городская легенда о лох-несском чудовище Несси [8]. Сама легенда восходит к раннему Средневековью, но к XX в. она уже была основательно подзабыта. Однако в 1930-х гг. в британских СМИ начинают появляться многочисленные свидетельства встречи с Несси. Сенсацией, вызвавшей большой ажиотаж, стала опубликованная в 1933 г. на первой странице газеты «Дэйли Скотч» фотография лох-несского чудовища, сделанная неким Хью Греем. Годом позже в газетах появилось самое знаменитое фото монстра, сделанное лондонским хирургом, Р. Кеннетом Уилсоном. Уилсон имел репутацию достопочтенного джентльмена, которого было трудно заподозрить в подлоге. Несси быстро стала мировой знаменитостью, проблему поиска чудовища всерьез обсуждали британские политики и ученые. Гораздо позже, уже в 1990-е гг. было установлено, что хирург Уилсон со своими тремя друзьями вручную смастерили маленькую фигурку динозавра и сделали «фейковое» фото. Об этом стало известно со слов, оставшихся в живых приятелей и сообщников Уилсона. Один из них признался, что друзья пошли на фальсификацию по просьбе редактора газеты, в которой была опубликована фотография.

Само чудовище, разумеется, не было найдено, и ученые уже давно всерьез не рассматривают гипотезу о его реальном существовании, притом что СМИ опубликовали еще десятки фото- и видеоклипов, не говоря уже о сотнях устных свидетельств. Зачем же СМИ продолжают будоражить общественное сознание? С одной стороны, это хоть и «фейковые», но «кликабельные» рейтинговые новости, способные повысить интерес читателей и рекламодателей. С другой стороны, это превратилось в часть местного культурного ландшафта. Несси – одна из достопримечательностей, привлекающая на озеро Лох-Несс толпы туристов, гениев места, символ территории.

Если частные медиа действуют исключительно в коммерческих интересах, государственные СМИ прибегают к запугиванию с разнообразными политическими целями. Создание образа врага, внешнего или внутреннего, используется для политической мобилизации электората, консолидации населения, общественного одобрения нужных решений.

В США перед вторжением в Ирак активно вбрасывались «фейки» о иракских разработках ядерного оружия и иракском участии в подготовке террористов, совершивших атаку 11.09.2001. Кроме того, сама террористическая угроза была многократно раскручена до уровня «моральной паники», что было использовано правительством США для частичного сворачивания прав и свобод и расширения полномочий спецслужб.

Сами люди также могут выступать в качестве субъектов производства собственного страха, когда предпринимают усилия, чтобы самостоятельно поставить себя в опасную ситуацию и испытать в связи с этим сильные эмоции. В определенных условиях страх становится субъективно привлекательным. Вообще эмоции принято делить на стенические и астенические. Стенические эмоции заряжают, придают сил, астенические, напротив, опустошают. Страх, как правило, сопряжен с сильным психофизиологическим возбуждением. Это не удивительно, стандартные модели поведения при страхе – убежание или борьба, организм должен быть готов к подобному поведению.

Возбуждение симпатической нервной системы при страхе сопровождается учащенным дыханием и сердцебиением, повышением артериального давления и уровня глюкозы в крови. Все начинает работать в интенсивном режиме, переживающий страх находится в

состоянии энергетического подъема. Ретроспективно мы вспоминаем моменты страха как очень насыщенные, полные жизни.

«Когда грозит опасность, вновь чувствуешь себя человеком», – отмечал Антуан де Сент-Экзюпери [9]. Не удивительно, что люди периодически хотят испытывать такую сильную, яркую и бодрящую эмоцию, как страх. Здесь мы сталкиваемся с любопытным и важным парадоксом современного общества – чем более безопасна, упорядочена, предсказуема жизнь современных людей, тем больше они испытывают потребность в интенсивных переживаниях. «Наш страх, – пишет Свендсен, – является побочным эффектом благополучия: наша жизнь стала настолько безопасной, что мы можем позволить себе беспокоиться по поводу многочисленных угроз, которые едва ли станут реальностью, пока мы живы» [7, с. 235].

Для удовлетворения потребности сильных эмоций бизнес создает целую индустрию страхов: экстремальные спортивные развлечения и состязания, комнаты страха, будоражающие аттракционы вроде «американских горок» и, конечно же, фильмы ужасов. С успехом возрождаются и глобализируются и древние практики страха, например, готические праздники наподобие Хэллоуина. Опасность должна быть четко дозированной, она призвана вызвать эмоциональное возбуждение, но не подвергать жизнь реальной угрозе.

Можно заметить закономерность: когда человеку хватает реальных угроз, потребность в индустрии страха невелика. Как гласит известный афоризм Станислава Ежи Леца, «кто по горло сыт страхом, не голоден до впечатлений». Так, на период мировой войны медийная активность вокруг мифического лох-несского монстра пошла на спад – хватало вполне реальных опасностей. Эта же тенденция хорошо заметна по американской истории фильмов ужасов [10]. В 1930-е гг. в США было создано немало коммерчески успешных готических ужастиков: «Дракула», «Франкенштейн», «Мумия».

Однако в 1940-е гг. на фоне трагических известий с полей мировой войны фильмы ужасов почти перестали пользоваться спросом. Продюсеры неохотно выделяли на подобные фильмы деньги. В 1950-е гг. Голливуд делал в основном ремейки готических ужастиков и эксплуатировал пропагандистскую тему «Красной Угрозы». А вот в 1960-е и 1970-е хоррор вновь получил развитие: фильмы ужасов стали снимать гораздо охотнее, возрождался интерес продюсеров, в жанр пришли выдающиеся режиссеры-новаторы: Альфред Хичкок, Роман Полански, Стивен Спилберг, Уильям Фридкин, Джордж Ромеро. Жанр стал модным и респектабельным, появилось много разновидностей хоррора: психологические, фантастические, мистические. Начали обыгрываться и новые темы: например, растущие страхи перед научно-техническим прогрессом, ядерной войной, угрозами из космоса, расчетливыми маньяками-одиночками, одержимыми и неуправляемыми детьми. Фильмы ужасов стали коммерчески привлекательными и получили признание кинокритиков. Например, фильм «Изгоняющий дьявола» (1973) стал не только самым кассовым в своем жанре, но и выиграл «Золотой глобус» и был по 10 позициям номинирован на «Оскар». Американские маркетологи быстро изучили состав и предпочтения ядерной аудитории хоррора. Когда выяснилось, что основные потребители фильмов ужасов – подростки, под них в 1970-е начали создавать слэшеры в стиле «Техасской резни бензопилой» (1974). Другим направлением развития жанра стали поиски новой психологической глубины и экзистенциальных оснований тревоги. В 2017 г. хоррор «Оно» стал самым кассовым за всю историю жанра.

Страх не только интересно переживать, его приятно с достоинством преодолевать, доказывая себе и окружающим свою собственную смелость, демонстрируя искусство самообладания. Для этого уже недостаточно посмотреть фильм или почитать готический роман, угроза должна быть более реальной. Активные молодые люди, которые раньше наверняка вступили бы в ряды солдат, партизан или революционеров, в мирные времена начинают сами себе искать рискованные развлечения. Вторая половина XX в. – время появления и стремительного развития экстремальных видов спорта. Об этом приходится судить лишь по косвенным данным. Государства смотрят на подобные увлечения с подозрением, они не готовы поощрять рискованные для жизни занятия, почти не участвуют в финансировании секций, соревнований, не развивают инфраструктуру – по этим причинам у нас нет надежной статистики. Тем не менее экстремальные виды спорта быстро множатся числом: бейсджампинг, дайвинг, хелискиинг, рафтинг, параглайдинг, сноубординг, кайтсерфинг, скейтбординг, стритлагинг, банджи-джампинг, BMX, фристайл, зорбинг и десятки других.

Отчасти эти виды спорта – продукт технического прогресса, почти за каждым из них стоит какое-то свежее техническое изобретение, позволяющее попробовать что-то необычное и рискованное: новая конфигурация крыла парашюта, новая вилка для байка, новый материал. Но важнее то, что эти изобретения быстро становятся предметом спроса и предложения, вокруг них возникают и процветают бизнесы по производству, продаже, аренде. Маркетологи работают над тем, чтобы расширить клиентскую базу, сделать эти увлечения модными. Сегодня «экстремальщики» – это стихийное и очень разношерстное низовое движение. Однако именно низовой характер спортивного экстрима красноречиво говорит о том, что за ним скрывается реальный социальный феномен – фрустрированная в нашем безопасном обществе потребность в проявлении смелости.

Таким образом, переживания страха могут быть разрушительными, а могут быть субъективно приятными и желанными. Для человека экзистенциально важен опыт преодоления страха. Страх – это и причина многих наших проблем, но он же и стимул для поиска решений. Страх перед воображаемой угрозой может объединять людей, а может использоваться для провокации конфликтов и насилия. Разные социальные институты, преследуя политические и коммерческие интересы, все больше вовлекаются в индустрию производства страхов, что создает удивительный парадокс нашего времени: коллективная тревожность и алармистские общественные настроения растут на фоне беспрецедентно высокого уровня общественной безопасности.

Список литературы

1. Ильин Е. П. Психология страха. СПб.: Питер, 2017. 352 с.
2. Щербатых Ю. В. Психология страха. М.: Эксмо, 2006. 512 с.
3. Pincer S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. N. Y.: Penguin, 2011. 1056 p.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2004. 557 с.
5. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. 429 с.

6. Furedi F. *Culture of Fear: Risk Taking and the Morality of Low Expectation*. London / New York: Continuum, 2002. 205 p.
7. Свендсен Л. *Философия страха*. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 288 с.
8. Williams G. *A Monstrous Commotion: The Mysteries of Loch Ness*. London. Orion, 2015. 400 p.
9. Сент-Экзюпери А де. *Планета людей*. М.: Знание, 1977. URL: https://booksafe.net/book/de_sent_ekzyuperi_antuan-planeta_lyudey-217421.html (дата обращения: 12.08.2019)
10. Комм Д. *Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов*. СПб.: БХВ, 2012. 224 с.

References

1. Ilyin E. P. *Psikhologiya strakha*. St. Petersburg: Piter, 2017. 352 p.
2. Shcherbatykh Yu. V. *Psikhologiya strakha*. Moscow: Eksmo, 2006. 512 p.
3. Pincer S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. N.Y.: Penguin, 2011. 1056 p.
4. Toffler E. *Future Shock*. Moscow: AST, 2004. 557 p.
5. Mid M. *Kultura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izd-va "Nauka", 1988. 429 p. (in Russian)
6. Furedi F. *Culture of Fear: Risk Taking and the Morality of Low Expectation*. London / New York: Continuum, 2002. 205 p.
7. Svendsen L. *Filosofiya strakha*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2010. 288 p. (in Russian)
8. Williams G. *A Monstrous Commotion: The Mysteries of Loch Ness*. London. Orion, 2015. 400 p.
9. Sent-Ekzyuperi A de. *Planeta lyudey*. Moscow: Znanie, 1977. Available at: https://booksafe.net/book/de_sent_ekzyuperi_antuan-planeta_lyudey-217421.html (accessed: 12.08.2019) (in Russian)
10. Komm D. *Formuly strakha. Vvedenie v istoriyu i teoriyu filma uzhasov*. St. Petersburg: BHV, 2012. 224 p.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2020, № 1

Статья поступила в редакцию 13.08.2019
The article was received on 13.08.2019